

Дмитрий Алексеев
INVESTIVA VS DISSERTATIO (ИНВЕКТИВА ПРОТИВ ДИССЕРТАЦИИ)
Или ряд проспекций в посткризисную научность

Я мог бы не затрагивать эту тему по причине слишком уж большой очевидности и переобсужденности состояния науки, однако есть еще персонажи, судящие о способности других людей судить и производить интеллектуальный продукт по тому, обладают ли те научными степенями. Сам для себя я считаю более значительным быть деятелем культуры, нежели ученым и, в общем-то, безразличен к смехотворным нападкам в отсутствие особой «квалификационной работы», но таковые нападки на очевидные достижения других лиц, делом доказавших прогностическую ценность собственных концептуальных построений, требуют отдельного внимания и защиты от тех, кто не отличает подлинной ценности научной работы от шелухи разного рода формальностей, за такую работу выдаваемых, стяжая себе лавры и потребляя хлеб тех, кто действительно способствует развитию человеческого познания и выяснению истины.

Приведенный ниже перечень обстоятельств является исчерпывающим для того, чтобы смело заниматься системным познанием и документированием окружающего мира, не заморачиваясь такой глупой, выматывающей и, главное, бессмысленной, работой, гасящей любую свежую мысль и реальную продуктивность, как «написание» диссертации на соискание ученой степени. Единственное, что может сподвигнуть на такую неблагодарную работу – «социальные нормы», по инерции считающие ее чем-то действительно ценным.

Можно сколько угодно бить себя пяткой в грудь и защищать честь научного мундира, утверждая, что приведенные ниже аргументы не имеют отношения к действительности. Этого, однако, нельзя делать, положив руку на сердце и в «гордом одиночестве» встав перед зеркалом...

...За многие десятилетия, а может, и столетия, сложился устойчивый стереотип, согласно которому быть ученым означает обладать ученой степенью, присуждаемой за определенный порядок оформления письменного документа, известного в глубине веков как *dissertatio* (исследование, доклад). Ее главное отличие от прочих вещей состоит в аргументировании излагаемого библиографическими ссылками и, если речь идет об эмпирических экспериментах, то дается описание их результатов с методикой получения. Название «инвектива» в названии данной заметки выбрано не случайно. Действительно, почему бы не положить стандартом научности не диссертацию, а инвективу – ведь сегодня для весьма многочисленной научной братии сказать новое слово в науке (и тем самым удовлетворить одно из «священных» диссертационных требований научной новизны) – значит опровергнуть чьи-то предыдущие идеи, обозвав их ложными или ошибочными, предлагая нечто свое, оттолкнувшееся от чего-то чужого.

Я намеренно не рассматриваю здесь существующее в России разделение на диссертации доктора и так называемого «кандидата наук» – феномен, сложившийся в советском индустриальном обществе, и прочие малоосмысленные понятия.

Также считается, что защитивший диссертацию и получивший так называемую ученую степень продемонстрировал тем самым определенный уровень интеллектуального развития сравнительно с уровнем прочих сограждан, а также более высокую компетенцию по сравнению с

ними, а потому обладает правом на бОльшие социальные блага сравнительно с ними и больше прав в социальной иерархии.

Сегодня, однако, возможности удовлетворения требований к диссертации по уровню рассмотрения и объему источников значительно отличаются от удовлетворения требований той средневековой эпохи, в которую сама диссертация стала культурной и хозяйственной ценностью. Кроме того, изменились экономические условия, обуславливавшие диссертацию в качестве фактора социального успеха в период так называемого научно-технического прогресса, определявшего научные нормы в рамках парадигмы «роста». В силу пресыщенности рынков на мировом уровне и все более очевидных на историческом горизонте пределов экономического, демографического, и других видов роста, становится очевидным также исчерпание науки в ее известном виде, с одновременной деградацией ее институционализированных форм, одной из которых является «научная диссертация» с порядком ее исполнения. Все более становится очевидным, что наука есть некая, специализированная, разновидность искусства познания, и в нем, как во всяком искусстве, наибольшее совершенство достигается тогда, когда ratio (доминанта сегодняшней науки) уравнивается virtus творческого порыва. В связи с этим, будучи рассмотренной как искусство познания, научная деятельность обладает соответствующими критериями совершенства, не зависимыми от форм и ритуалов представления результатов. То есть, если в некоторой области интересов или деятельности сформирован язык, обеспечивающий максимум дескрипций наблюдаемых явлений, в рамках которого формируются устойчивые объяснительные конструкции, на основе которых строятся оправдываемые ожидания и прогностика (что наиболее системно изложено в рамках лакатосовского утонченного фальсификационизма), то это и есть реализация научной ценности как таковой. Стоит отметить, что в ходе своего развития институт науки, существующий в рамках парадигм роста и НТП, почти начисто выбросил из рассмотрения прогноз как главную научную ценность. Более того, автору этих строк лично доводилось наблюдать, как представители академической науки с пеной у рта доказывали, что прогноз не является главной научной ценностью. И еще есть важное подозрение: сама историчность науки (конечно, здесь подразумевается наука «классической эпохи», начавшаяся с так называемого «длинного XVI века») свидетельствует о похожести происходящих в ней, как в социальном институте и сфере творческой деятельности, процессов, на процессы, происходившие в религии в тот же самый «длинный XVI век». Разумеется, это тема отдельного, обстоятельного и весьма интересного, исследования, однако подозрение это становится все более очевидным по мере все более ускоряющегося процесса деградации «классического» миропорядка и связанного с ним процесса трансформации культурных основ, которыми для многих остаются незыблемые сциентистские догмы.

Сегодняшняя шаткость этих обстоятельств обнажает тот факт, что уровень личностного, интеллектуального и культурного развития, а также профессиональной компетенции не может быть сводим и определяем одним лишь научным статусом, не является (или, вернее, все менее является) критерием успеха, адекватности общественным запросам и вершиной адаптивности в окружающей среде.

Рассмотрим же по порядку отмеченные обстоятельства. Итак, имеем следующие основания критики диссертационной работы как таковой:

1. уровень предметного рассмотрения;
2. объем охватываемых источников;
3. общий кризис парадигмы научно-технического прогресса;

4. выхолащивание из науки творческого компонента;
5. выхолащивание из научной рациональности прогностики;
6. подобие социальных процессов в науке начала XXI века аналогичным процессам в христианской религии «длинного XVI века».

Уровень рассмотрения

Этот уровень сегодня является крайне низким, и большинство научных степеней присуждается людям, чьи достижения нередко оказываются лабораторными или производственными частностями. Это не говоря о том, что R&D центры и лаборатории в основной массе своей ориентированы именно на производство. Феномен является следствием переспециализации (“overspecialisation”), и был подробно рассмотрен изобретателем и философом Р.Б.Фуллером в его книгах (в частности, «Инструкция по управлению космическим кораблем Земля» и «Усмешка гигантов»). В целом, он ведет речь о том, что переспециализация протиеостественна и не ведет к повышению адаптивных навыков индивида, а при достижении некоторой своей степени, и сообщества (сразу вспоминается дискурс про уровень разделения труда). С другой стороны, многочисленные данные исторической наукометрии (позволю здесь быть «непоследовательным» и избавить себя от приведения конкретных данных) свидетельствуют о том, что степень фундаментальности научных открытий в общей массе выходящих мировых публикаций за последние 100-150 лет резко снизился в сторону частностей. Тем временем, отмеченные производственно-рыночные, вернее, рыночные в тех случаях, где они остались производственными, а не перераспределительными, частные задачи требуют такой степени оперативности экспертной и девелоперской реакции, связанной с анализом продуктов и трендов, с которой многолетняя диссертационная тягомотина ну никак не совместима; соответственно, требуются совершенно иные форматы обзорно-аналитической документации, требующей особых навыков сочетания искусства протоколирования (базовой процедуры научного документирования) с обобщением полученных данных, которые тут же оказываются связанными с процедурами ограничения предметных полей и понятий, ориентированными на реалии рыночных ниш, возможностей и направлений. Не исключено, что именно эти новые форматы составят основу порядка формирования квалификационной научной документации посткризисного будущего.

Объем источников

Объем охватываемых диссертационной работой источников практически по любой научной теме на рубеже XX и XXI веков таков, что всегда или почти всегда есть сомнение в том, что любой их обзор, включая как присутствие в данной или смежной теме научного руководителя, так и соискателя, будет неполон. Конечно, есть базовые исследования по темам, но, с учетом как роста числа тем, так и многочисленных публикаций по ним, сказать что-либо на основе обычного охвата наработанной по темам документации «вручную» не представляется возможным. Сам такой охват по динамике и ресурсозатратам оказывается несопоставим с объемами поступающих научно-технических данных. И это на уровне одного только усвоения материала, безотносительно к его рефлексии и трансформации в новые знания с использованием собственного познавательного контекста исследователя. Речь, опять же, не идет даже о плачевном состоянии российских ИНИОН и ВИНТИ (чудовищная неразвитость этих институтов есть тема отдельного разговора) – речь идет об условиях обеспеченности научных сообществ такими специализированными интернет-ресурсами научной информации, как library.ru, Истина МГУ или международные каталоги научных статей (опять же, безотносительно к дискриминационным порядкам доступа, принятых в

некоторых из них). Преимущественно все это навигационно-поисковые системы, но не системы машинного чтения научных текстов, созданные как решения в рамках направлений text mining и information retrieval. Создание таких систем с достаточностью эффективностью и комплексностью, не говоря об их внедрении и стандартизации работы, сейчас только на подходе, их библиографическое использование в российской и мировой системах научного производства на начало 2013 года стремится к нулю, хотя сами разработки таких решений представляют собой солидное академическое направление computer science. Кроме того, версии таких систем для работы со специализированными языками научной терминологии и сленга, к тому же наложенными на структуру естественных национальных языков, в рамках которых эта терминология используется, до сих пор представляет собой нетривиальную задачу в области компьютерной лингвистики. Такая задача никем пока всерьез, комплексно, а главное, проектно и не ставилась – именно по причинам как собственного кризиса стандартов научности, так и более общего кризиса научно-технического прогресса, о чем речь ниже. Машинная обработка библиографических данных, взятая как норма квалификационной научной работы, также, судя по всему, станет системной нормой посткризисной науки – и это при том, что актуальность такой обработки существует уже сегодня практически для любой области естественных и гуманитарных наук, и без такой работы любые разговоры об «актуальности» и «новизне» представленных к защите тезисов уже всегда будут в подвешенном состоянии. Впрочем, некоторые решения для этих целей могут применены уже сегодня – в частности, речь идет о специфических опциях автоматизированной системы семантического анализа текстовых массивов KernelMining, разработке которой автор этих строк посвятил несколько лет. Вместе с тем, существуют и другие коммерческие и закрытые решения машинного чтения российского и зарубежного производства.

Кризис парадигмы НТП

Кризис парадигмы научно-технического прогресса, а следовательно, и самой науки как общественного института, на результаты которого формируется спрос, обусловлен достижением пределов роста и расширения глобальных рынков, на которые работает система научно-технических разработок, а также связанная с ней система разделения труда, ведущая, как было отмечено выше, к переспециализации. Более того, углубление системы разделения труда (а равным образом и непосредственно связанная с нею система разделения научных направлений) сегодня оказывается невозможной не только по причине пределов расширения рынков, но и по причине такого удешевления производства, сочетанного с такой его автоматизацией, что луддитам не снилась. Причем автоматизация производства сегодня добавляется механизацией (разумеется, автоматизированной) систем управления и принятия решений, а также систем анализа данных и подготовки принятия решений (см. выше); и все это – на фоне распространения портативных и дешевых (вплоть до бытовых) гибких производственных систем. И сюда же добавляется тренд, связанный с наноассемблерами и прочими нанофабами, в пределе удваивающими природную реальность до сверхприродного состояния, порождая мир новых автопоэтических систем человеческого происхождения. Действительно, сегодня все эти вещи – пока еще предмет научно-технологических разработок, но их эффективность как раз и снижает массовость платежеспособного спроса, а кроме того, порождает специфический вопрос: а не будут ли эти, новые, формы техножизни объектом уже исследования, а не только создания? Вернее, так: будет ли исследование и создание таких автопоэтических форм параллельным и сознательным в посткризисный период? С учетом того, что как средства анализа, так и системы протоколирования, отчетности и принятия решений стремятся к максимальной автоматизации. Кем будет «научно» познающая мир личность ученого в этих условиях и каковы в этих условиях

будут критерии его квалификации? И что это, спрашивается, за наука как высшая форма интеллектуального творчества, творящая умственную элиту и занятая «поиском истины», которая для повышения степени квалификации соискателя требует от него жалкой женитьбы «актуальности» и «новизны», вполне себе подобно тому, как от специалиста по рекламе требуется маркетинговый план. Значит, поиск новых сторон природной действительности связан не со способностями соискателя вносить абстрактный вклад в «человеческое познание», а выявлять в этих сторонах явления и закономерности, которые впоследствии рассчитываются к технологическому воспроизведению и продаже на рынке, возможно, в качестве альтернатив критикуемым в научных публикациях иным научным тезисам и получаемым на их основе выводам. Вот только, беда, рынков-то уже почти не осталось, а наука, занятая «поиском истины» и конвертации открываемых явлений и закономерностей в нерыночные технологии, не вяжется с парадигмой научно-технического прогресса, и связанными с ним форматами научной конкуренции и «новизны». Впрочем, это также, похоже, относится к задачам и перспективам посткризисной науки, а сегодня – простая констатация того, что наука в своем индустриально-рыночном качестве разделения научного труда и связанных с этим специализаций больше не играет экономической роли. О кризисе научно-технического процесса немало говорил в своих интервью и передачах экономист Михаил Хазин.

Выхолащивание творчества

Вопрос о личности ученого был упомянут в предыдущем разделе этой заметки. По сути, выхолащивание из науки творческого компонента есть следствие редукции целостной личности ученого до статиста, удовлетворяющего или не удовлетворяющего требованиям «научной работы». Вместе с тем, сегодня со стороны «идолов толпы» имеют место многочисленные расхожие претензии к науке по поводу того, что она-де не способна давать рекомендаций в условиях системных кризисов предметных областей. В частности, это претензии к неоконковским построениям. Но ведь, во-первых, и квалифицированный, научно остепененный, специалист, часто не способен давать рекомендаций в условиях таких кризисов, поскольку таковые кризисы, как правило и по преимуществу, связаны с кризисом господствующих научных парадигм и исследовательских программ, задающих рамки работы специалистов любых научных степеней. Это классика науковедения. А во-вторых, чтобы выходить за рамки науки, ее критериальных систем и принципов функционирования, нужно быть кем-то большим, чем ученый. А это явно коробит тех, для кого «ученость» и «научность», сциентичность, есть вершина социальной статусности (хотя на поверку оказывается, что эта статусность чисто экономическая – хозяйственная, см. предыдущий пост). То есть для того, чтобы решать проблемы кризиса научности, человек науки должен быть творцом, разносторонне развитой личностью, жадной до такого развития и, наверное, Художником. Разумеется, с некоторой долей имеющих место здесь издержек и противоречий натуры. То есть речь идет о сверхрациональном, а значит – таком компоненте научной деятельности, что не вписывается в дисциплинарные практики и неподконтролен им. (Недоумение некоторых комментаторов этого процесса (например, М.Делягина), и опасения насчет «размывания научности», выглядит странно – можно вспомнить набившие оскомину теоремы об ограниченностях формализмов.) Но, поскольку научная квалификация и степени, о которых здесь идет речь, существуют в рамках парадигмы научно-технического прогресса, постольку творческое объявляется «ненаучным» и выбрасывается из серьезного рассмотрения.

В этой связи с темой «личности-ученого-как-творца-или-кого-то-еще» характерен довольно известный пример XV века. Известно, что Макиавелли посвятил своего «Государя» Лоренцо де

Медичи, герцогу Урбинскому (внуку Лоренцо Великолепного). Сам «Государь» вполне может считаться политологическим произведением, снабженным богатой аргументативной базой. Известно также, что в качестве прототипа идеального государя Макиавелли взял грязного блядуна и подлеца Цезаре Борджиа, мерзостного даже по меркам XV века (от участия этой фамилии в делах Святого Престола католическая церковь до сих пор не может отмыться), который, что также известно, написал одну из лучших для своего времени диссертаций по юриспруденции (что не помешало ему быть таковой личностью, каковой он был, и является прекрасным примером начала движения науки в сторону НТП, в рамках которого признается безотносительность науки по отношению к морали). Сам же Лоренцо Великолепный известен больше как меценат, поэт-сочинитель бурлескных стихов, выдающийся дипломат и, кстати, как один из лучших государей-управленцев своего времени. Гораздо меньше он известен как ученый, хотя наверняка по праву может считаться одним из отцов-основателей руинистики, которой он по молодости лет фактически занимался вместе с великим теоретиком архитектуры Леоном Альберти во время их путешествия в Рим. Неизвестно, чтобы Лоренцо писал какие-либо диссертации, хотя исследованиями, причем весьма мотивированными (связанными с поиском доисторических культур), как многие в его семье, он явно занимался. Также, как основатель пизанского университета, он вполне может считаться организатором науки. Курьез в том, что Лоренцо-внук едва ли нуждался в каком-либо посвящении и какой-либо научной аргументации того, каким должен быть государь, тем более на примере Цезаря Борджиа, ибо идеальным государем был его дед (равно как дед его деда Козимо), вот только действовал он не как объединитель многих земель, а как охранитель одной. Почему Лоренцо II выбрал примером какого-то негодяя с ученой степенью, а не славных предков, внесших в науку и культуру куда больший вклад (да и в практике государственного управления не уступавших ему)? Не потому ли, что Борджиа таки был титулованным, «квалифицированным» герцогом, о котором, к тому же, была написана «научная работа» (которую, кстати, до сих пор в вузах всего мира изучают как образец научного для своего времени труда), а его предки – фактическими, но без «квалификационной степени»? Что ж, Лоренцо II таки «усвоил» от Цезаре важный урок – подобно «государю», заболел сифилисом, что и свело его в могилу (в отличие от Лоренцо-деда, коего свела в могилу наследственная болезнь обмена веществ). Так чем все же был «Государь»: dissertatio о наилучшем образе управителя с «остепененным» человеком в качестве примера, или гениальным по своей первобытности продуктом «культурных индустрий» пока еще едва зарождающейся (пред)промышленной эпохи, нацеленным на щекотание чувства статусности одноэлементной целевой аудитории? Каким бы продуктом «Государь» ни был, сработал он, как свидетельствует история, весьма эффективно, распространившись за пределы тогдашней Италии. Наверняка Лоренцо-внук любил науки любовью, привитой его предками, и чтит людей ученых, но вряд ли обладал возможностью отличать познавательно ценное от выдаваемого за таковое, хотя бы последнее и обладало бы всеми признаками научного исследования. Не хватило ему какого-то внимания к прошлому его семьи и взгляда в будущее, вопроса о последствиях и пределах – исторического сознания, одним словом. Зачем? Ведь Медичи устремлены к высотам общественного положения, к дворам Европы! Вот тут-то и кроется разрыв с тем, что изначально искали предшествующие поколения. Кстати, в «Государе» что-либо говорится о способности «образцового правителя» к такому вниманию? Надеюсь, что в посткризисной науке научатся наконец различать такие вещи, а вот будет это сделано или нет, покажет время.

Боязнь прогнозов

В современной мне среде ученых, с которыми я имел честь немало общаться, действительно, наблюдается паническая боязнь прогнозов, если только это не медицинские прогнозы или прогнозы поведения предельно понятных, эффективно вычислимых и интуитивно постижимых, систем. Складывается впечатление, что многим современным ученым гораздо важнее статусность, обусловленная ритуалами формальных условий (особенно это заметно в гуманитарных науках), нежели убежденность в собственных способностях адекватно описывать и объяснять предмет познавательного интереса. Они постоянно боятся оказаться в своих прогнозах неправыми, в чем-то ошибиться – ведь они «специалисты», и «разбираются» в своей предметной области (вернее, большей частью в библиографии по ней), но не видят мир целиком с акцентом на изучаемую область, да и вообще, по моим наблюдениям этих личностей, не дерзают жить и бороться – то есть использовать знания для предвидения благоприятных и неблагоприятных возможностей, то есть прогнозов, для себя и других. Соответственно, диспуты о приемлемых языках описания и адекватности объяснительных конструкций становятся не более, чем салонными спорами, в которых побеждает тот, у кого язык и конструкции краше. Про то, насколько это адекватно, а также про то, что становление языка и объяснений в новой или меняющейся предметной реальности неизменно сопровождается косноязычием и «зачеркиваниями», речи не идет – ведь главное, чтоб инвесторы давали гранты под то, что выглядит «умно» и «красиво»! Что ж, вероятно, большинство научных грантодателей в России и за рубежом озабочены не развитием познания, в которое они инвестируют, как адаптивного средства, а чем-то другим. Однако именно редукция научной рациональности до выхолащивания из нее прогностики как высшей ценности ведет к ритуализации научной деятельности, что сближает последнюю с религией. Действительно, какая разница, что описывается или объясняется научным дискурсом, если мы снимаем с себя ответственность за прогнозы? А ведь именно такая ответственность и есть самая подлинная ответственность ученого, и отказ от нее «научных элит» вполне правомочно ставить в один ряд с отказом от ответственности перед обществом политических и деловых элит «стран НТП» в последнее тридцатилетие XX века. Познание (в том числе научное) – это лишь средство (но не цель), к выработке адекватных ожиданий. Посткризисная наука должна вспомнить эту давнюю и здоровую ценность.

Религиозный характер науки

О религиозно-философских истоках европейской науки классической эпохи писано много, в том числе составлен даже емкий и весьма интересный академический сборник на русском языке. Эта тема, в частности, включает в себя вопрос о том, как из вопроса о том, сколько ангелов уместится на кончике мизинца Фомы Аквинского, произошло исчисление бесконечно малых чисел. Здесь же хотелось заострить внимание на другом обстоятельстве, а именно, на некотором подобии социальных процессов (в том числе динамики ценностных приверженностей), связанных со статусом науки как культурной основы жизни в период тотального кризиса начала XXI века аналогичным процессам в христианской религии как культурной основы жизни в период трансформаций и кризисов «длинного XVI века». Вряд ли можно сказать, что процессы эти начались в полной мере и с очевидностью заметны, однако заметны их признаки. Кроме того, как было сказано, это тема весьма обстоятельного, отдельного исследования, лежащего на стыке историй религии и науки, поэтому данный пункт я поместил в самый конец заметки, и остановлюсь на нем в самых общих чертах. Дело в том, что наука, или «научный взгляд на мир», сегодня не только определяет массовую картину мира так же, как некогда массовую картину мира определяла религия, но и скепсис самых различных слоев к этой картине мира (как в плане целостности, так и в плане отдельных ее предметных частей), и поиск ее альтернатив, сегодня

сравним со скепсисом, сомнениями и подвижками, имевшими место в эпоху Реформации. То есть, сегодня именно институт «НТП-науки», а не религии (в т.ч. «христианской науки»), как было ранее, является преимущественной областью данных трансформаций. И дело тут также не в общем процессе архаизации сознания и культурных форм – такая архаизация, скорее, является больше «любовью к архаичному, чем собственно архаизацией, остановкой на перепутье, и отражает общий кризис сознания, связанного, в том числе, с рассмотренными выше пятью обстоятельствами. Более продуктивным, на мой взгляд, в этой связи было бы рассматривать не только ритуализацию науки, ужесточение административно-статусной иерархии в ней и превращение некоторых научных школ в «группы камлания», как религиозные признаки, но, скорее, общее место в социальной системе науки, воплощенной в конкретных лицах, зданиях, ресурсах, финансах, а также приносимой обществу экономической и культурной пользе (или вреда), сравнительно с местом в социальной системе религии в эпоху Ренессанса. Пока во многих отраслях науки наблюдается стагнация и системный кризис, но для того, чтобы там возникла Реформация, нужно появление соответствующей силы, способной предъявить претензии и права как на ресурсы, занимаемые нынешней наукой, так и на место в системе общественных ценностей, ею занимаемое (верхнее). Поскольку наука неоднородна по отраслям и аспектам, неоднородным будет предъявление прав и претензий, но это вполне себе будет конфликт, а вот насколько жестким он будет, зависит от гибкости и преемственности изменений. Не исключено, что это будет гибкий переход науки в новое, «постнаучное», состояние, подобно тому, как, по версии историка А.Фурсова, феодальная аристократия «гибко» перешла в ряды аристократии капиталистической эпохи, чего не было при переходе от античности к феодализму. Так или иначе, но посткризисной науке будущего придется осмыслить возможности и варианты своей обратной трансформации и обретения «религиозных» элементов и форм, наблюдаемых сегодня. Признаком того, что это так, и что наука является снижением в «развитых» обществах ценности научных статусов, прежде всего – десакрализация интеллектуального статуса ученого, знающего и понимающего лучше и больше, чем остальные смертные. Во многом это – следствие осознания того, что сегодняшней ученый – лишь часть истеблишмента, существующих экономических механизмов, но эта убежденность лишь подкрепляется исчерпанием общественной модели, в рамках которой наука занимает доминирующее положение. В этой связи получение ученой степени становится подобным получению священнического сана, и рассматривается в среде обывателей как преимущественно личное достижение, связанное с некоторыми убежденностями и приверженностями отдельной личности, но не как особая, общественно значимая, ценность. Более того, подобно священническому сану, ученая степень сегодня больше определяет типологию самой личности и ее социальную среду (что, в общем-то, было всегда), нежели способность решать какие бы то ни было жизненные вопросы какого бы то ни было уровня. Все это, опять же, во многом обусловлено отмеченными выше обстоятельствами, но результатом имеем историческую ситуацию, когда сегодняшняя наука в качестве общественного института начинает приобретать черты религии как аналогичного института эпохи «длинного XVI века».

По факту всего изложенного я вовсе не хочу сказать, что *dissertatio* как жанр научного труда не обладает правом на существование или не несет общекультурной и научной ценности. Я хочу сказать, что она не несет ценности как исключительный критерий квалификационной оценки научной деятельности и, вполне возможно, не будет нести ее в будущем.

© Дмитрий Алексеев, 2013
<http://www.dalekseev.ru/>